

Д.В. Деопик

ВОПРОСЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Массивы средневековых эпиграфических документов – наиболее перспективный материал для применения методов количественной обработки источников. В исследовании древних и средневековых документов многое сделано и без количественного анализа, однако изучение по единой программе количественного анализа всех многочисленных документов одного конкретного общества или группы родственных обществ, относящихся к достаточно длительному периоду, дает максимальное приближение к реальной картине прошлого, поскольку возникает возможность изучения определенного явления по максимальному числу его признаков, особенно простейших.

Основная проблема – методы исследования массовых данных – имеет два аспекта: а) внешний, касающийся связи с другими видами источников, содержащих информацию, формирующую подход к исследованию социально-экономического развития; б) внутренний, касающийся системы описания и набора методов анализа. В его рамках имеется два подхода к соотношению «признак – исследуемое общество».

1. Анализ большого числа признаков малых естественных комплексов и суммирование полученных характеристик этих комплексов (напр., хозяйств) для получения общей характеристики конкретного общества.

2. Анализ меньшего числа признаков на всей территории исследуемого конкретного общества и на большом отрезке времени для той же цели.

При втором подходе среди исследователей существует два различных взгляда на процесс выработки списка общих для всего общества признаков того или иного явления. Придерживаясь первого взгляда, исследователи как бы идут «сверху вниз», от общих понятий ко все более конкретным, к детальным признакам; придерживаясь второго взгляда – «снизу вверх», от формализованных описаний конкретных ситуаций к постепенному объединению во все более общие группы полученных вначале значений простейших признаков явления (и тем самым к восстановлению картины прошлого).

Остановимся кратко на первом аспекте, чтобы потом обратиться ко второму, основному. Связь с другими видами информации выдвигает проблемы исследования сделанных в средние века обобщающих оценок, содержащихся в нарративных источниках, а

также проблему исследования сборников нормативных правил или отрывочных упоминаний о нормах прошлого, касающихся экономической сферы.

Рассмотрим соотношение сообщений историков прошлого и сведений документов. Традиционный путь большинства историков XVIII в. (и ранее, при описании событий далекого прошлого) – воспроизведение, с той или иной степенью переосмысления, выводов этих историков, опора на них. Сложился этот подход применительно к политической истории, а потом часто переносился и на сферу социально-экономическую. В последнем случае нередко возникала скорее видимость понимания общей ситуации, чем реальное ее понимание. Чем далее развивалась критика источников и сама история как наука, тем меньше это устраивало исследователей. Дефекты такого подхода к анализу социально-экономических проблем стали очевидными, когда началось широкое исследование не только иновременных, но и инокультурных нарративных и нормативных источников, составленных в средневековых государствах Азии: многие обобщения, сделанные в прошлом в этих обществах и государствах, были совсем уже неприемлемы (в силу идеалистических философских концепций и т. д.) или непонятны современным исследователям, а религиозно-философская основа этих обобщений до сих пор еще во многом неясна. Автору представляется, что применительно к обществам, изучение которых началось сравнительно недавно, к обобщениям, сделанным в традиционной среде той или иной страны Азии, целесообразно обращаться лишь после воссоздания картины социально-экономического развития на основе анализа массовых фактов содержащихся в тексте деловых документов. Это относится даже к богато документированному китайскому средневековому обществу.

Обратимся ко второй крупной разновидности «недокументальной» информации – сборникам экономических норм в различных юридических памятниках и отрывочным упоминаниям о таких нормах в нарративных источниках или документах. Эти нормы уже ближе к фактам, чем исторические повествования, поскольку уже и специализированнее сама задача составителя текста. Но (особенно это ясно на примере Индии, где положения юридического сборника «Артхашастра» очень слабо отражены в эпиграфических документах, и отчасти на примере Явы) обобщение практики экономической мыслью шло во многих странах Азии путями, которые еще долгое время будут во многом непонятны. Результатом было значительное различие картин, полученных из проведенного отдельно анализа нормативных сборников, с одной стороны, и документов – с другой.

Таково, как представляется автору, соотношение роли массовых данных эпиграфики с данными других видов источников.

Основным, в случае количественного анализа, является второй аспект, внутренний, – система описания и методы количественного анализа той социально-экономической информации, которая массова в эпиграфических документах. Единичный простейший факт в социально-экономических исследованиях недостаточен не по причине случайности или возможной недостоверности, а потому, что он допускает несколько различных интерпретаций (единичный случай купли-продажи, напр.). Нужна система таких социально-экономических фактов, в которой прослеживаются их связи, не заложенные в одном простейшем факте (напр., «X дал землю Y»). В этом отличие социальных исследований от исследований гражданской истории, для которой упоминание о каком-либо событии в единственном дошедшем до нас тексте принимается без «проверки на массовость», если оно совместимо с нашим здравым смыслом и имеющейся информацией, и не опровергается критикой текста. А при социально-экономических исследованиях встает и проблема простоты отдельного факта, затрудняющей интерпретацию, а также проблема факта, бесспорно имевшего место, но очень редкого и потому не типичного для своего времени.

Основное и главное в количественном анализе — массовость социально-экономических документов. Разные внешние сведения о социально-экономической структуре, равно как и редкие упоминания в документах о сложных, уникальных социально-экономических явлениях, а также отрывочные сведения нормативного характера – все они должны исследоваться во вторую очередь, какие бы интуитивно кажущиеся верными готовые (!) древние обобщения они ни содержали. Массовые данные в таком случае всегда наиболее важные, поскольку выводы из их анализа помогают прослеживать связи общего характера. Такие выводы позволяют оценить надежность сообщений нормативных источников и общих характеристик структуры общества в нарративных источниках, степень искажения в сознании средневекового общества образов тех или иных объективно существующих явлений.

Определенный опыт применения количественных методов накоплен при изучении европейских документов эпохи средневековья. Но при изучении истории средневековой Европы количественным методам (а порой и анализу массового материала вообще) суждено до настоящего времени иметь по преимуществу вспомогательный характер, так как многое уже известно (или существует уверенность в этом). В основном они применяются при

исследовании ограниченных территорий, коротких временных отрезков, частных проблем. Общие реконструкции, типа проведенной К. В. Хвостовой редки¹. Описанное положение определило и выбор методики, и постановку задач, многие из которых, в том числе и общеисторического характера, имеют отношение только к фактам европейского средневековья.

Целесообразно брать количественный анализ массового материала документов за основу социально-экономических реконструкций там, где он применяется для решения полного комплекса проблем социально-экономической истории (пусть глубина при этом ограничена возможностями источников). В этом случае весь комплекс задач решается вначале на количественной основе. Применительно к малоизученным обществам невозможно сразу приниматься за анализ частностей; исследователь вынужден нарисовать себе общую картину, что легче сделать количественными методами.

Обращаясь к кругу конкретных проблем, связанных с применением количественных методов в исследовании средневековых обществ Азии, отметим, что это самый быстрый путь для включения исторического опыта этих стран в общую картину развития, поскольку количественно обработанный простейший материал по экономике максимально единообразен в разных обществах (в отличие от форм духовной культуры, социальной организации и т. п.). Рассмотрим процедуру анализа массового материала, содержащегося в экономической документации, на фактах эпиграфики Юго-Восточной Азии, региона, близкого тогда по численности населения и обрабатываемым площадям к Европе, региона, в котором формы социально-экономической организации гораздо более разнообразны, чем в Индии или Китае.

Базой предлагаемых выводов является количественный анализ полных эпиграфических комплексов четырех стран (анализ всех элементов текста был проведен для Явы, Кампучии и Тьямпы, анализ некоторых элементов текста – для Бирмы). Период – IV—XV вв., т. е. весь период существования экономической эпиграфики в Юго-Восточной Азии. В других странах ЮВА в эти века или не было классовых отношений (Филиппины), или не использовались «вечные» материалы для деловых документов (Вьетнам), или

¹ См.: Хвостова К. В. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). Историко-социологический очерк. М., 1968.

эпиграфические памятники малочисленны (моны Центрального Индокитая, малайцы Малаккского п-ова, Суматры).

Основой количественных исследований массового материала эпиграфики является «ропись» целиком всего текста, точнее, его экономической части. При этом, как показал опыт тысяч надписей четырех стран и двенадцати веков, 95% содержания этой части текста (кроме топонимов и имен собственных) весьма единообразны и, если даже не обладают частой повторяемостью, обязательно принадлежат к тому или иному классу составляющих «простейшее сообщение» (далее – ПС) элементов. Остальные 5% тесно связаны с текстом и описывают более сложные связи, о чем говорилось выше.

Роспись ведется после расчленения всей экономической части текста, составляющей в нем естественную, легко выделяемую часть (далее именуется – текст), на «простые надписи». «Простая надпись» имеет конкретного дарителя или группу дарителей, совершивших единовременное дарение. Многие документы, особенно на камне, содержат серию разновременных дарений одному объекту, т. е. несколько «простых надписей», или же упоминают о предшествующих дарениях, и эти упоминания также рассматриваются как «простые надписи». «Простые надписи» делятся на ПС, имеющие форму единообразно построенных высказываний, состоящих из последовательно располагающихся Субъекта, Отношения, Объекта, Предмета (отношения) и Обстоятельства (отношения) (далее — Суб., От., Об., Пр. и Обст.). Каждому ПС соответствует только один Суб., один Пр. и т. д.; тем самым групповое единовременное дарение трех лиц – это три ПС. «Простейшая надпись» обладает также несколькими формальными характеристиками: время, место, язык текста, материал надписи, сохранность текста. При помощи элементов-признаков мы единообразно описываем типы ПС, образованные различными сочетаниями элементов. Список значений каждого признака-элемента или его видов – список всех слов текста, обозначающих (с указанными ниже поправками) Суб. и т. д. При этом текст не искажается дополнениями, так как схема «простейшего сообщения» (СПС) содержит те же категории, что и исходный текст (далее – ИТ). Но часть информации, как уже говорилось, не входит в СПС в силу своей сложности и, как установлено, малочисленности; она помещается в Примечании (далее – Прим.) (это – различные формы объединения в одном действии нескольких видов Суб., отождествление автором текста разных форм владения и т. п.). Насколько объективна грань между Обст. и Прим. (для остальных элементов различие несложно)? Она определяется чисто количественно; если данное слово (или группа грамматически

связанных слов) встречается часто, т. е. чаще некоторого определенного числа, и в определенных контекстах – это Обст. В Обст. зачисляются также выражения, которые хотя и редко встречаются, но терминологически или по экономическому смыслу сходны с каким-либо выражением, уже принятым за Обст. (напр., частое «как необлагаемое владение» и редкое «как необлагаемое владение класса ганджаран»). Список Обст. может постепенно расти за счет набирающих частоту Прим. Но бывает это, как показывает эксперимент, достаточно редко. Список Обст. оказался достаточно коротким во всех страновых массивах, причем он почти не пополнялся из Прим. — при отнесении к Обст. важен также учет образующих родственные группы видов формулировок Обст. в сравнении с бессистемным списком Прим. И, что очень важно, Примечаний – мало, поскольку в массовых документах единообразие и общепонятность – обязательное условие. В яванской и кхмерской эпиграфике лишь около 5% СПС имеют Прим.

Число Прим. несколько возрастает при усложнении содержания документа. Вообще, проблема различения, с одной стороны, усложнения документа, детализации описания в нем, с другой – усложнения самих отношений – очень сложна. Тем более, что оба процесса усложнения связаны в большинстве случаев между собой (длительное усложнение отношений при сохранении исходной формы документа – явление маловероятное). Огромную роль играют языковые формулировки ИТ, которые не должны расчленяться исследователем; если одно древнеяванское слово означает «освободить от налогов», то это слово с его сложным смыслом будет рассматриваться как определенный особый вид Отн., и Пр. в этом ПС будет отсутствовать. Если же после «освободить от налогов» будет стоять в ИТ название налога (напр., «титибана»), то «титибана» попадает в графу Пр. При анализе Отн. соответствующее слово будет отнесено к группе видов «иммунитет» в обоих случаях, только в первом случае – «без детализации»; во втором – «с детализацией»; эти разные явления могут исследоваться отдельно. Правилom можно считать то, что анализу СПС предшествуют два этапа:

А. Анализ формальных признаков текста в целом.

Б. Анализ элементов ПС по отдельности.

На обоих этапах в первую очередь учитывается то, что мы знаем о гражданской истории данного общества в исследуемый отрезок средневековья и о его традиционной социально-экономической структуре в конце ее существования, в XVIII—XIX вв., как она описана этнографами и экономистами. Отрывочные сведения о социально-экономическом

устройстве интересующего нас общества, которые содержатся в созданных им нарративных и нормативных источниках, как и обобщения современных исследователей, сделанные на базе отдельных документов, или по аналогии, или на базе общего обзора, привлекаются во вторую очередь.

Рассмотрим этап А. В число формальных признаков текста в целом входят: время создания надписи (и ее частей, если они есть), место обнаружения (воздвижения), язык ИТ, материал надписи, ее сохранность, а также — оригинал она или копия. Эти простые бесспорные характеристики дают огромное количество новых сведений об оставивших документы обществах, даже об их политической истории, не говоря уже о социально-экономических процессах. Примером могут служить выявленные для кхмерского и яванского государств периоды полного прекращения экономической активности (оцениваемой через объем перераспределения земель), когда в ранее отличавшемся большим числом дарений земли и прочего, часто столичном, районе на века прекращалось перераспределение земель; оттуда долгое время не исходили никакие сведения в виде документов, хотя через несколько веков они порой появлялись вновь. Нередко в рамках времени существования в данной стране эпиграфики она так и не возрождается в таком районе. Сведения о событиях гражданской истории из таких районов продолжают поступать. К XVIII в. мы видим во всех таких районах ЮВА многочисленное крестьянское население, явно давно там живущее. Следовательно, причиной исчезновения эпиграфических документов не были истощение почв и уход населения. Остается предположить прекращение раздач земли духовенству в определенных районах. Что же касается общего упадка «деловой эпиграфики», то она связана с изменением имущественного статуса духовенства новых, распространившихся с XV в. религий и с тем, что основным аккумулятором земель все больше становятся в ЮВА с того же XV в. мелкие светские нетитулованные феодальные владельцы, чьи права фиксировались не на вечных материалах, а проще — на пальмовых листьях, часто — в виде полуграмотных записок, фиксирующих разговорные обороты речи и прочее (закладные бирманских крестьян XVIII в., исследованные А. С. Агаджаняном)²

² См.: Агаджанян А. С. Деревня и провинциальное чиновничество в доколониальной Бирме. Дипл. работа (рукопись). ИСАА при МГУ, 1981.

Некоторые аспекты указанных процессов возникновения зон отсутствия экономической активности («спящих провинций») были исследованы в нашей литературе применительно к Кампучии, Бирме, Яве.

В этой же связи исследовались этапы «владельческого освоения» (т. е. распространения отношений классового общества на ранее доклассовые соседние крестьянские районы, населенные представителями того же этноса), уточнялось реальное значение рангов и титулов. Эти и другие выводы вытекают из анализа простейших признаков эпиграфического массива. Закономерности такого рода становятся заметны уже при небольшом количестве надписей, меньшем, чем считается необходимым для прослеживания закономерности при помощи выборочного анализа. Иными словами, в этой сфере (земельные отношения) случайные отклонения от нормы, при принятой нами степени подробности описания, были ниже, чем нормальные отклонения от средней.

Обратимся к этапу Б. Огромную роль как при анализе массива в целом, так и при анализе СПС играет предшествующий анализ отдельно каждого из элементов ПС. Элемент рассматривается как признак с устанавливаемым по тексту списком значений (видов элемента). Список значений каждого элемента-признака – это список видов (Суб. и др.), он пополняется по мере росписи ИТ в хронологическом порядке (тем самым уже в ходе росписи ИТ можно приблизительно установить, доля каких видов растет, каких – падает, какой вид вытесняет другие или другой). После завершения росписи список видов-значений признака перестраивается по терминологическому родству названий видов, складываются группы видов. Напомним, что вид – это термин или устойчивое сочетание двух, редко трех терминов, могущий самостоятельно выполнять роль элемента ПС; самостоятельно встретившийся термин, ранее наблюдавшийся лишь в устойчивых сочетаниях, образует новый вид. Внутри групп виды распределяются при исследовании по времени функционирования (ранние, встречающиеся в течение всего периода, поздние). После упорядочения групп проводится анализ пространственно-временных характеристик видов и групп видов (Суб., затем – Отн. и т. д.); при этом в анализе, например, Суб. совершенно не учитывается на этом начальном этапе исследования их сочетаемость с теми или иными видами Отн., Об. и др.

Эксперименты показали, что число видов, составляющих каждый элемент и достаточных для описания соответствующего аспекта аграрной экономики, колеблется от 40 до 100 для отрезков времени в семь-восемь столетий. Число это представляется

достаточно малым и вытекает, видимо, из природы владельческих документов, нуждающихся в единообразии, и из устойчивости аграрных отношений в исследуемых обществах в IV—XV вв., стоящих на стадии ранних и развитых феодальных отношений.

В первую очередь после выделения видов и групп видов (и подгрупп видов, если они есть) оценивается их массовость: а) по числу упоминаний в СПС; б) по числу надписей, в которых упоминается данный вид данного элемента. Второе число меньше первого или равно ему, его целесообразнее использовать при анализе пространственно-временных характеристик того или иного элемента вне связи с другими, поскольку подробность надписи (т. е. число СПС в одной надписи) – величина, как показал эксперимент, непостоянная. Она обычно невелика в начале исследуемого времени, в начале существования «деловой эпиграфики» и растет в дальнейшем; но в одних случаях она в конце периода существования «деловой эпиграфики» становится максимальной (напр., на Яве в XIV—XV вв.), в других — падает (напр., в Камбуджадеше в XII—XIII вв.). Необходимо указать, что отнесение видов к тому или ному элементу ПС (напр., к Суб.) определялось для большинства видов их местом в СПС, но не для всех. После разнесения большинства видов по элементам в зависимости от места в СПС список видов каждого элемента пополнялся за счет видов, терминологически или по смыслу родственных уже попавшим в список видам, но стоящих на иных местах в СПС. Внутри терминологически родственной группы видов подавляющее большинство видов стояло всегда на одном и том же месте, на месте определенного элемента, ПС; проблема – куда, к какому элементу отнести целую группу родственных видов – не возникала. Установив (в рамках этой процедуры), что большинство лиц, упоминаемых на месте Суб., относится к числу светских, а большинство лиц или организаций, стоящих на месте Об., относится к духовенству, мы всех светских лиц рассматриваем в качестве Субъектов, а все духовенство – в качестве Объектов. При этом в число Суб. попадают, хотя и в ничтожном количестве, и представители социальных светских низов, не совершавшие дарений, а выступавшие в качестве Объектов или даже Предметов, а в Об. – категории представителей духовенства, достаточно часто совершавших дарения сами.

При одних и тех же видах Отн. может иметь место появление видов, отнесенных к одному из элементов, на месте другого (вид из списка Суб. на месте Об. и т. п.). Большинство видов, входящих в состав Суб., Об. и Пр., никогда не оказывается в такой ситуации на «чужом» месте, с достаточно многими это происходит редко, некоторые – в

большинстве случаев, и многие – всегда. Это явление обозначается словом «инверсия». Инверсией не считаются случаи, когда сам характер Отн. (таких Отношений – очень немного) предполагает обмен местами Суб. и Об. (напр., вместо обычного «Монарх дал землю такому-то» появляется редкое «Такой-то получил землю от монарха»). Инверсия всегда, в наших экспериментах, касалась лишь меньшей части видов и при этом обычно лишь на определенных этапах исследуемого времени. Она не мешала реализации «логического принципа» сведения видов в список того или иного элемента. Наоборот, подверженность инверсии помогала выделить специфические совокупности видов внутри элемента, подверженные инверсии в определенные периоды исследуемого времени или постоянно; они часто обладали и другими общими чертами. Инверсия дает интересные характеристики отдельным периодам. В основном сказанное касается инверсии из Суб. и Об. и обратно, в меньшей степени – в Пр. и редко – в Обет. Отн. инверсии почти не подвержено. Инверсия связывает между собой не все элементы, что дает еще один критерий проверки объективности выделения элементов в ПС.

Инверсия есть следствие двух разных процессов, один из которых связан с эволюцией исследуемых обществ, другой – с изменением описательных возможностей избранной этим обществом системы описания аграрных отношений. В первом случае инверсия показывает, как социально активные группы дарителей земель со временем, например, прекращают дарения или даже становятся Пр. дарения сами. Это – случай изменения лицами, обозначаемыми термином данного вида, своего социального статуса. Но если инверсия охватывает большую часть списка видов у разных элементов, если одновременно появляются в достаточно большом количестве новые виды в разных элементах, не родственные уже известным видам, а старые виды в достаточно большом числе или инверсируют, или исчезают, то это говорит об исчерпании описательных возможностей принятой ранее данным обществом системы описания. Это значит, что созданная обществом в начале эпохи функционирования документов система описания (для исследователя это – ранние ИТ) постепенно утрачивает способность обслуживать данное общество, что начался переход к новой системе. Об этом сигнализируют появляющиеся одновременно: массовая инверсия и массовое исчезновение распространенных видов. Существенно, что явление это, будучи важной характеристикой эволюции изучаемого общества, прослеживается при помощи формальной процедуры. Пока рано давать оценку такому явлению, как исчерпание описательной способности. Но уже сейчас можно сказать,

что такое исчерпание происходит одновременно у разных элементов, что временные рамки инверсированных систем описания до перехода к новой системе – несколько столетий, что рекомбинация исходных элементов позволяет обществу описывать новые формы аграрных отношений без заметного изменения списка видов. Когда же начинается исчерпание описательных возможностей системы, то основное в изменении формы документа происходит где-то до начала массовой инверсии. Начало такого исчерпания, возможно, отражается в увеличении подробности текста и в параллельном увеличении числа видов. Наиболее тонким механизмом описания аграрных отношений является анализ сочетаний элементов, анализ СПС. Сложность содержащихся в документах комбинаций элементов и относительное обилие разновидностей СПС делают именно в этой части особо насущным использование ЭВМ. Тут мы вступаем в сферу конкретики аграрных отношений, что лишь частично имело место при анализе элемента Отн. Казалось бы, что число сочетаний элементов, составляющих СПС, должно быть чрезвычайно велико, но эксперимент показал, что это не так. Доля повторяющихся СПС очень велика, неизмеримо выше предполагаемой при случайном сочетании видов различных элементов в СПС. Дело в том, что большинство СПС – это формулы или их реально применявшиеся в практике части: повторы в такой ситуации обязательны. В то же время это не цитаты из нормативных текстов, а реально действовавшие в обществе нормы, данные в документах в своем практическом, обычно – элементарном – выражении. Они уже сами по себе характеризуют общество и определенные этапы его развития. Устанавливая связи СПС в одном документе, исследователь получает еще более сложные разновидности реально существовавших экономических отношений. Примером может служить прослеживание формирования социальной группы панджи (мелкий феодальный служилый землевладелец) и священнослужителей-землевладельцев на Яве в XII—XIV вв.

Следующий этап – сопоставление полученных характеристик общества с данными эпиграфики, не подвергающимся количественному анализу, о которых говорилось выше, а также с данными нарративных и нормативных источников, с этнографическими данными и т.п. В совокупности они дают описание того или иного общества, но фундамент, при анализе социально-экономического устройства ранее не изучавшихся в этом плане средневековых обществ, составляют, если они есть, массовые простые сведения документов, для обработки которых наилучшими представляются количественные методы.

Во второй половине 60-х годов началось исследование основных характеристик эпиграфических массивов, начался их критический анализ; ряд конкретных вопросов истории средневековой Юго-Восточной Азии стал освещаться на основе соответствующим образом обработанных данных эпиграфических документов. Такого рода работы велись автором, С. В. Кулландой, Г. Г. Бандиленко. Все они используют количественные методы анализа исторических текстов; результаты работ и некоторые особенности такого вида количественного анализа уже были описаны³; разрабатывались также частные проблемы методики количественного анализа эпиграфического материала⁴.

Наиболее прост и наиболее разработан анализ простейших признаков документа, слабо или совсем не связанных с точным его переводом или даже с переводом вообще. Это – анализ распределения массива надписей по времени, месту, языку, материалу надписи, сохранности, а также копия она или оригинал, и связи полученных характеристик между собой или со столь же простыми характеристиками ландшафта, особенностей сельского хозяйства, климата и пр. Такие исследования по средневековым государствам Бирмы, Кампучии и Индонезии дали неожиданно много новых выводов, объяснили ряд не вполне понятных процессов широкого масштаба, таких, как противопоставление двух центров бирманской государственности в XI–XIV вв., перемещение центра политической активности в пределах проживания яванцев, причины расцвета и упадка столичного района империи Камбуджадеша и много других. Работы такого плана появлялись с середины 70-х годов⁵

³ См.: Деопик Д. В., Добров Г. М., Кахк Ю. Ю., Ковальченко И. Д. (руководитель) и др. Количественные и машинные методы обработки исторической информации. М., 1969; Докл. конгресса, XIII международный конгресс исторических наук. М., 1973, т. 1, ч. 2; Деопик Д. В. Некоторые принципы построения формализованных языков для исследования исторических источников. — В кн.: Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981.

⁴См.: Деопик Д. В. Проблемы методики исследования эпиграфического комплекса применительно к задачам социально-экономического анализа (на материале бирманской эпиграфики). – Вести. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение, 1977, № 2.

⁵ См.: Деопик Д. В. Эпиграфика и карта. – В кн.: Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975; Кулланда С. В. Взаимодействие географических и экономических факторов в развитии традиционного малайского общества. – В кн.: Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975, Моск. филиал Геогр. о-ва СССР, с. 17–22; Кулланда С. В. Некоторые

Особым направлением можно считать сопоставительный анализ массовости и взаимовстречаемости социальных детерминативов в сменяющие друг друга эпохи, эволюцию степени детализации тех или иных понятий и др.⁶ К нему примыкает анализ антропонимических комплексов⁷. Более сложным является комплексный анализ основных элементов содержания экономических разделов эпиграфических документов, в ходе которого выявляются ведущие формы в аграрных отношениях в разные периоды в отдельных странах или регионе в целом, смена основных агентов таких отношений и т. п.⁸ Наблюдения над ведущими формами позволили установить ряд общих для региона черт, а также факт развития в IX – XIV вв. в одном направлении у основных обществ Юго-Восточной Азии, приблизительно синхронно прошедших основные этапы развития аграрных отношений, в ходе которых усиливалась зависимость общинников и параллельно, но лишь до определенного предела, усиливалась центральная власть, точнее, ее позиции в сфере эксплуатации, начавшие ослабевать в XIII—XV вв. На базе анализа такого рода написаны очерки социально-экономического развития кхмерского общества в VII—XIII вв.⁹ Исследовались такими методами и международные контакты, отразившиеся в заимствовании социальных терминов в рамках контактов народов внутри Юго-Восточной

особенности санскритской эпиграфики Явы (опыт количественного анализа). – В кн.: Санскрит и древнеиндийская культура. М., 1979; Деопик Д. В., Кулланда С. В. Простейшие признаки яванского эпиграфического массива VII — начала X в. как источники по истории раннесредневековой Явы. – В кн.: Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1981.

⁶ См.: Деопик Д. В. Типы социальной терминологии кхмеров (VI—XIII вв.), – В кн.: Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; Кулланда С. В. Принадлежность к общине как социальный знак (на материале древней Явы). – В кн.: Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979; Бандиленко Г. Г. Власть и титул монарха в Сингасари и раннем Маджапахите (к анализу санскритских и яванских детерминативов). – В кн.: Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М., 1982.

⁷ См.: Деопик Д. В. Корпус имен рабов и представителей других категорий личностнозависимых в Камбодже V – VIII вв. (по данным эпиграфики). – В кн.: Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1982.

⁸ См.: Кулланда С. В. Некоторые аспекты отношений общины и государства на Яве (1 тыс. н.э.). – В кн.: Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М., 1982.

⁹ См.: Деопик Д. В. История Кампучии, разд. 1. М., 1981.

Азии¹⁰. Помимо этого данные эпиграфики, после количественной оценки, использовались для проверки других источников¹¹.

В настоящее время продолжают исследования по кхмерской, бирманской, тьямской, яванской и малайской эпиграфике, начато изучение эпиграфических памятников Вьетнама.

Опубликована в Вестник Московского Университета, серия Востоковедение, М. № 4, 1983, с. 43 – 53

¹⁰ " См.: Деопик Д. В., Кулланда С. В. Средневековая социальная терминология как свидетельство межэтнических контактов в Юго-Восточной Азии. – Тез. докладов, XIV Тихоокеанский научный конгресс. Комитет Л, т. II. М., 1979.

¹¹ См.: Деопик Д. В. Народная хронологическая традиция как исторический источник (по материалам средневековой Бирмы). – В кн.: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972.